

Журнал "Работница"

№6, Июнь 1964

УДК 64
ББК 37.279
Ж92

Ж92 Журнал "Работница": №6, Июнь 1964 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 38 с.

ISBN 978-5-458-45967-9

Журнал "Работница" - старейший женский журнал. Первый выпуск вышел 23 февраля (8 марта) 1914 года. Изначально журнал выступал как площадка для острых политических высказываний того времени. В 1914 году из 7 изданных номеров 3 были конфискованы полицией. В период с 1918 года по 1920 года выпуск издания был временно прекращено, с января 1923 года - возобновилась в Москве. Позже у журнала пропала политическая подоплека и "Работница" стала первым журналом для женщин. Журнал "Работница" обладает особым искренним и доверительным стилем общения с читателем, что обеспечило журналу тираж более 13 миллионов экземпляров.

ISBN 978-5-458-45967-9

© Издание на русском языке, оформление
«УОУO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Этот памятник Владимиру Ильичу Ленину стоит на берегу тихой речки Шуши, возле маленького деревянного домика, в котором Ленин жил шестьдесят лет назад в царской ссылке.

Строительство Саяно-Шушенской ГЭС началось. Стократным эхом отдаются взрывы в Саянах, передовые отряды разведчиков — геологи и гидрологи, топографы и бурильщики Саянской экспедиции — развернули поисковые работы. На обложках этого номера журнала вы видите группу геологов Саянской экспедиции и то место, где будет сооружена новая гидроэлектростанция.

В тайге вырос поселок рубленых домиков, закурились дымки, зазвенели детские голоса.



ТНИК ИЛЬИЧУ

Есть в новом поселке уже и школа, пусть пока небольшая, с самодельными партами и скамьями, но Валя Мацкевич, молодая учительница, довольна своей школой.



Геолог Лиза Балабанова внимательно осматривает керны — пробы породы, добытые у места створа будущей плотины.



ВСТРЕЧА НА ДАНИИ

Под гигантский ковровый шатер, построенный на платформе водоприемника, гости стали собираться с самого утра. Около четырех тысяч мест было предназначено для наиболее отличившихся арабских и советских строителей Саад аль Аали — высотной Асуанской плотины. Десятки тысяч людей расположились на высоких гранитных берегах Нила. Солнце здесь никогда не прячется за облака, и лучи его нещадно жгли спины, лица, руки тех, кто не попал под спасительный навес. Да и такой ли он уж был «спасительный», если термометр в тени показывал сорок градусов жары!

Предстояло большое торжество. Накануне был перекрыт проран (от него остался лишь маленький ручеек), и вода, подпертая песчаной перемычкой, должна была сегодня смыть ее и пойти по новому руслу через каналы и тоннели, прорубленные в гранитных скалах высочайшей крепости. Четыре года трудились советские и арабские специалисты в Аравийской пустыне. Более десяти миллионов кубометров скального грунта вынули они, соорудили шесть тоннелей общей длиной в 282 метра.

И вот этот день настал. Он был особо примечателен еще и тем, что в церемонии перекрытия Нила участвовал Никита Сергеевич Хрущев. Буквально весь египетский народ встречал высокого гостя из Советского Союза. В лице Н. С. Хрущева, великого друга арабов, как гласили многочисленные транспаранты на улицах Каира, Александрии, Порт-Саида, Асуана, египтяне горячо приветствовали весь советский народ. И это понятно. Могущественнейшая держава оказывает экономическую помощь их стране без всяких политических условий. Впервые в истории чужестранцы пришли в долину Нила не для того, чтобы взять, а чтобы помочь, научить, и все это бескорыстно, от чистого сердца.

Вспоминается дорога от маленького аэродрома в Ливийской пустыне до города Асуана. Длинной цепочкой выстроились люди. Радостные улыбки, поднятые в приветствии руки. И я увидел, что многие встречающие держат зеленые ветки. Крутом пески, на сотни-сотни километров пески, раскаленные солнцем гранитные холмы, от которых, если брызнешь водой, идет пар, — и вдруг зеленые ветки. Сколько же нужно было затратить труда, изобретательности, чтобы их вырастить здесь! Это ли не знак глубочайшего уважения и признательности...

Среди многих тысяч строителей Асуанской плотины была лишь одна женщина. Но в проектировании этого гигантского сооружения участвовали десятки советских женщин — инженеров, техников, лаборантов Всесоюзного ордена Ленина проектно-исследовательского института имени С. Я. Жукa. Вот одна из них — инженер-гидролог Галина Александровна Губенкова.

Фото А. ЕЛАНЧУКА.



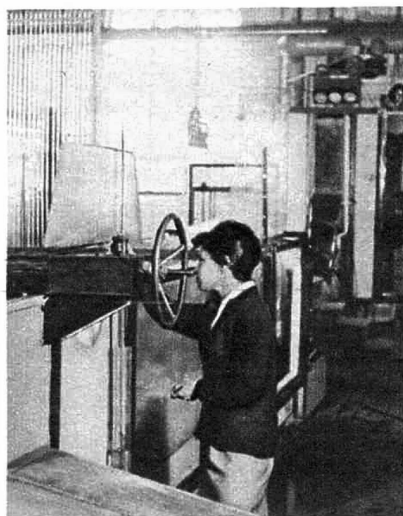
Н. С. Хрущев и Гамаль А. Насер прибыли в Александрийский порт.

Фото А. УСТИНОВА.

Митинг по случаю завершения строительства первой очереди высотной плотины открыл министр Саад аль Аали Сидки Сулейман. Затем выступил президент Гамаль Абдель Насер. Он говорил о героизме строителей, благодарил их от имени правительства и народа ОАР. Президент отметил особую роль Н. С. Хрущева: только его личное внимание позволило так успешно вести строительство.

Обычно говорят: «буря аплодисментов», «гром оваций». Ни одно это опре-

деление не подходит, чтобы точно передать тот восторг, с которым было встречено появление на трибуне Н. С. Хрущева. Казалось, огромный шатер вот-вот взлетит вверх к акварельному небу. Тридцать шесть тысяч мужчин — молодых, сильных — скандировали: «Хрущев, Хрущев! Хрущев — Насер! Москва — Ка-ир! Дружба — мир!» И в этом океанском прибое тридцати шести тысяч мужских голосов, конечно же, потонул женский голос — единственный.



Лаборантка Кусер ас Сабки — первая и пока единственная арабская женщина, строитель высотной Асуанской плотины. В новом Египте уже есть женщины — врачи, учителя, адвокаты. В парламенте ОАР, впервые избранном совсем недавно, заседает восемь женщин. А теперь появилась и женщина-строитель. Но, как у нас говорят, лиха беда начало.

...Ровно в 12 часов 30 минут дня к небольшой коричневой кафедре, на которой находилась кнопка, подходят высокие гости Н. С. Хрущев и Гамаль А. Насер. С платформы водоприемника видна перемычка и голубая полоска Нила. Взоры десятков тысяч людей устремлены к узкому песчаному валу. На него нацелены сотни объективов фотокорреспондентов, съехавшихся в Асуан со всех концов мира.

Кнопка нажата. Взрыв поднимает гигантский столб песка. И тут же небольшой коричневый ручеек устремляется к верховому каналу. Он размывает перемычку, становясь с каждой секундой все шире и шире. Вода тихо растекается по дну канала. Она вроде и не спешит заполнить его. Слово Нил призматривается к своему новому ложу, знакомится с новыми берегами. Не нравятся, видно. С ревом начинает бросаться он на гранитные стенки. Кипит, клокочет желтая масса. Но тщетно... И вдруг на том месте, где была перемычка, высоко в небо взметнулся серебристый водяной гриб. Сверкнул на солнце мириадами алмазов. И тут же рухнул. По каналу спокойно потекла чистая вода. От перемычки не осталось и следа.

Прошло лишь полчаса с момента взрыва, и древний Нил изменил свой извечный путь. Человек повернул его, направил по другой дороге. Теперь великая африканская река будет работать на счастье египтян.

Счастливого тебе пути, Новый Нил!
Крепни, новая жизнь, на его берегах!

Борис ИВАНОВ

Этой минуты строители ждали четыре года. Падают последние кубометры гранита — теперь Нил потечет новой дорогой.

Фото автора.



Слово «долорес» значит по-испански «страдание». Но с тех пор, как сквозь гром сражений против фашизма раздался в героическом Мадриде глубокий, страстный, полный звонкой силы голос Долорес Ибаррури, слово «долорес» стало означать еще и другое: силу правды, веру в победу добра над злом и света над тьмой, призыв к борьбе за свободу и счастье народов.

Недаром к имени Долорес испанский народ прибавил слово «Пасионария» — «Пламенная»... Пламенный боец за свободу своего народа, за светлый и мирный завтрашний день всего человечества, против черных сил реакции и разрушения, Долорес Ибаррури вышла из самой гущи народа. С ранних лет запечатлелись в ее душе страдания и надежды народа, с ранних лет узнала она его думы и чаяния, слушала его песни — то скорбные, то задушевные, то пламенные. С детства всем сердцем любила она свою Испанию, ее широкие, опаленные солнцем бурные равнины, мощные и чистые реки, снеговые вер-

с какой чистой, широкой улыбкой гладит она головы детей, если слышала, как просто, вдумчиво и чутко говорит она с людьми о буднях их трудовой жизни, то вы знаете, почему она так близка сердцу каждого честного человека.

Мы, советские люди, всей душой любим Долорес Ибаррури. Мы помним ее подвиг матери и склоняем головы перед памятью ее сына, доблестного юноши Рубена Ибаррури, павшего смертью храбрых во время Великой Отечественной войны, защищая от фашистских полчищ наш героический Волгоград.

Каждая встреча с Долорес навсегда остается в памяти тех, кто имел счастье ее видеть и слышать.

Вот она на трибуне Колонного зала Дома союзов рассказывает о том, как испанский народ и в тягчайших условиях франкистского режима продолжает бороться за светлое завтра Испании. Слушаешь ее пламенный голос, полный твердой веры в победу правды народной, и знаешь: так и будет, испанский народ победит!

Вот Долорес на митинге, посвященном

ДОЛОРЕС

шины и зеленые холмы, оливковые и апельсиновые рощи, яркие, пышные цветы и душистые травы.

В этой кровной связи со своей родиной, со своим народом черпала Долорес силы для подвига своей жизни. Мудрость народа была источником ее мудрости, мужество народа стало источником ее мужества.

Когда в 1936 году мятежные фашистские полчища рвались к Мадриду, Долорес Ибаррури вместе с тысячами мужчин и женщин пошла рыть защитные окопы и противотанковые рвы вокруг героического города. Вместе со своими товарищами-коммунистами, вместе с другим бессмертным героем испанского народа, Хосе Диасом, взяла она в руки лопату, орудие мирного труда, веками разрыхлявшую землю, ставшую орудием защиты от врагов трудового народа...

В дни боев с мировым фашизмом за Испанию Долорес была, как всегда, со своим народом, и слово ее, пламенное и мудрое, воодушевляло людей на борьбу. Сила ее слова была в том, что оно понятно и близко каждому. Ее понимали бойцы народных дружин: ведь она была бойцом, как и они сами. Ее понимали женщины: ведь она, мать двоих детей, пошла бороться за то, чтобы их детям жилось хорошо, чтобы не знали они ужасов войны и угнетения. Ее понимала молодежь: сердце ее на всю жизнь осталось молодым и горячим. Ее понимали старики: в словах ее заключалась вековая мудрость народа. Ее понимали все, кто любит свой народ и верит в его судьбу.

«Лучше умереть стоя, чем жить на коленях», — сказала народу Долорес Ибаррури, и народ понял ее слова и подхватил, как гимн. Она призывала народ к мужеству и сама всегда была примером мужества борца и Человека.

Если вы встречали когда-нибудь взгляд Долорес, исполненный светлой силы и мягкой, ласковой доброты, если видели,



открытие улицы Гримау в Москве. В ее словах — скорбь о тех, кто, как товарищ Хулиан Гримау, стал жертвой кровавого фашизма, боль за страдания своего народа, гнев против его душителей, светлая вера в его грядущую победу... Слушаешь ее и видишь: Долорес и Гримау — из одной армии бойцов за счастье всех народов мира, за то, чтобы никогда черные стальные птицы не сбрасывали смерть на головы наших детей. За то, чтобы на всей земле торжествовали мир и свобода.

Мы помним Долорес на трибуне Международного конгресса женщин в Москве.

Почетный вице-председатель Международной демократической федерации женщин, страстно призывает она всех женщин Земли к священной борьбе за мир.

Весть о присуждении Долорес Ибаррури, председателю Коммунистической партии Испании, Ленинской премии «За укрепление мира между народами» с огромной радостью встретили все советские люди, все честные люди Земли.

Инна ТЫНЯНОВА



Каждое утро я проезжаю на троллейбусе мимо старого деревянного дома. И чем бы ни были заняты мои мысли, я всегда смотрю на этот дом. Часто даже не думая о нем — просто по привычке.

Для постороннего глаза дом ничем не примечателен. Он даже выглядит безобразным на этой широкой улице, уже обрешеченной в светлые стены и стекло новостроек.

После двухнедельной командировки, возвращаясь с аэродрома, я, как всегда, взглянул у заветного перекрестка в окно троллейбуса и обмер: дом ломают! Я сошел на первой же остановке и подошел к дому. От него уже отрубили кусок стены, обнажив черное, прокопченное нутро. Листы ржавого железа свисают с карниза, словно лохмотья, из-под обсыпавшейся штукатурки, выглядывают гнилые бревна. За этими бревнами, за тусклыми, неумытыми окнами долго-долго скрывал старый дом чью-то жизнь, гордился своим долголетием, резными карнизными и круглыми наличниками окон, железными петушками на крыше — бедной красотой минувших времен. А сейчас отодрали от него стену, и стоит он, будто раздетый, на посмешище людям.

У дома возится огромный зеленый бульдозер и, брезгливо посапывая, сносит в сторону останки старого дома.

Ломают старый дом... Я не могу себе представить, что дома не будет. Что исчезнут навсегда, как забытая детская сказка, два окошка на втором этаже, когда-то самых дорогих для меня в целом свете. Под ними я мог терпеливо простоять часами, дожидаясь, пока Катя кончит готовить уроки. И эти отполированные подметками желтые тротуарные плиты я знал лучше, чем портреты своих предков.

...Катя на мгновение протискивала свою темную голову в форточку и, даже не стараясь отыскать меня глазами в толпе прохожих, привычно объявляла всей улице: «Иду... у... у...!» Она знала: я всегда жду ее.

Катя сбегала вниз по скрипучей лестнице, как коза, перепрыгивая через несколько ступенек, и кричала мне издали: «Куда пойдем?»

Я, как всегда, отвечал: «Куда-нибудь». И она соглашалась, потому что нам было решительно все равно, куда идти. Весь просторный мир московских улиц и площадей был наш, и в нем мы чувствовали себя легко и свободно, потому что всегда в этом мире было что-то такое, чему стоило удивляться.

Повесили рекламу нового кинофильма... Заливают соседнюю улицу асфальтом... На Москве-реке начался ледоход... Остановился грузовик с проколотой шиной... На деревьях набухли почки... Разве этого не достаточно, чтобы сделать любую прогулку открытием? Впереди было будущее, огромное, неразгаданное, но, конечно же, счастливое, и даже в самый ненастный, слякотный день оно наполняло нас сладкой тревогой, волновало, как запах талого снега, как робкое тепло весенних бульваров. И главное — рядом была Катя, беспокойная душа, мой товарищ.

Хрупкая девочка, узкоплечая, длинноногая — все платья ей вечно были коротки. В школе ее дразнили «цаплей», и я жестоко дрался с Катиними обидчиками. У меня всегда была потребность от кого-то ее защищать. Впрочем, Катя вовсе не числилась в тихонях. Каталась на коньках — не догонишь, не боялась прыгнуть на подножку трамвая, разбойно свистела, вместе со мной разгоняя соседских голубей, и запросто давала мальчишкам затрещины, если, конечно, они заслуживали этого. И мечтали-то мы с Катей о путешествиях. Из ее дома уходили не на прогулку, а в «экспедицию», открывать новые «белые пятна» в городе. Домой мы возвращались поздно и стойчески переносили расплату за родительские тревоги. Книжки мы читали больше про путешествия и поэтому «оч. хор.» имели только по географии. Вместе собирали марки. Вернее, собирала Катя, а я помогал. Марки были неутраченной Катиней страстью. Маленький бумажный квадратик, крошечное окошко в чужой, неизвестный мир, где скачут в саваннах антилопы, вздымаются к небесам синие, как тучи, горы, остряты шпильми башен туманные города.

Однажды я выменял у мальчишек необыкновенную марку, отдав за нее самое бесценное — старую пожарную каску, которую нашел на чердаке соседнего дома. Марка была с острова Борнео. Такая редкая, что я, сознавая это, нес ее до самого Катиного дома зажатой в кулаке, и она приклеилась к моей ладони. Я разжал пальцы перед Катей, и она, пригладившись, ахнула от восторга.

На марке была изображена огромная, страшная на вид, похожая на дьявола обезьяна орангутанг.

Мы тут же достали из шкафа энциклопедию, забралась с ногами на старую кушетку, в которой жалобно стонали половые пружины, и принялись читать об острове Борнео. Остров огромный, но до сих пор почти не исследован.

— Надо же! — удивилась Катя. — Почти не исследован!

И, оторвавшись от книги, задумчиво погладила лохматого сибирского кота, который беспробудно спал на кушетке.

— Какое это счастье — первым исследовать то, что еще совсем не изведено людьми!

За дверью, где была кухня, надсадно кашлял Катин отец. У него давно болели бронхи, врачи велели бросить курить, но он не бросал. В комнате курить запрещалось, и он выходил с табакеркой в керосиновый чад кухни и там сосал свою прожженную «капитанскую» трубку, которую ему когда-то подарил приятель, морской инженер. Катина мать, верткая жилистая женщина с жестким, не улыбочивым ртом, возилась там же, на кухне, гремя посудой. Я еще ни разу не видел ее отходящей; она всегда что-то делала, лицо ее было растерянно-озабоченным, словно она постоянно боялась куда-то опоздать. За дверью были привычные будни с кастрюлями и кашлем, а в маленькой комнате, где стояла кушетка, плескался у наших ног теплой звенящей волной южный океан и шелестели жестяными листьями пальмы.

Вошла Катина мать, взглянула на нас сбоку, из-за плеча, и вдруг сурово сказала сразу же притихшей Кате:

— Иди к домоуправу. В туалете опять подтекает бачок. Живо!

Когда Катя ушла, мать принялась подметать пол, раздраженно размахивая веником. Она громко двигала стульями, и я понял, что сейчас начнет ворчать. Так и получилось. Она заговорила о том, что у дочери в голове одни глупости, что хозяйством она не интересуется, кастрюли не чистит, пол не моет уже неделю. И что только из нее получится! И отец хорошо! На Каткиных туфлях заплатка на заплате, а он ей альбом для марок — пожалуйста. Сам как ребенок!

Я с тоской слушал все это. Из вежливости глядел не в книгу, а на стену. На стену смотреть было интереснее, чем на Катину маму, потому что там под стеклом висела старая гравюра, изображавшая парусный корабль. Гравюру подарил Кате отец. Он купил ее в молодости, когда мечтал быть моряком, но почему-то не стал, а всю жизнь проработал кассиром в банке. Паруса у корабля были выпуклыми от ветра — их хотелось тронуть пальцем, — нос высоко вздыблен, и косые пенные буруны от его форштевня подчеркивали стремительный ход корабля. Я часами мог бы рассматривать эту гравюру.

Вернулась Катя, и я тут же увел ее из дома, где было тесно для океанов и кораблей.

Помню, в один воскресный день ранним утром Катя прибежала ко мне. Настойчивым стуком в дверь подняла меня с кровати. Я испуганно выскочил на лестничную площадку. «Что случилось?» Она тяжело дышала, запыхавшись от бега, и золотисто-зеленые глаза ее пылали солнцем. Скороговоркой выпалила: отцу предложили на три года с семьей поехать на полуостров Таймыр. Отец, конечно, согласен, а мама пока колеблется, но, наверное, ее все-таки сумеют убедить.

— А ты знаешь, на Таймыре водятся горностаи! — радостно сообщила она. — В энциклопедии прочтала.

С того момента мы с Катей только и говорили, что о Таймыре, прочитали, кажется, все, что о нем написано, а если написанного оказывалось мало, на дополнительные подроб-

Леонид ПОЧИВАЛОВ

ЛОМАЮТ СТАРЫЙ

РАССКАЗ





Сумгаитские девчата (слева направо): Лаура Бунядова, Тамара Тюмина и Эльмира Халилова.

Фото А. ШАПИРО.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СУМА

Тамара АЛЕКСАНДРОВА

Я слышала об этом городе много легенд, в которых трудно отличить правду от вымысла. Но поверила почему-то одной из них.

...В степи было селение. Как только первый луч солнца касался облаков, люди поднимались и угоняли на пастбища овец. А когда полдень изнурял зноем растрескавшуюся землю, они возвращались в селение. Здесь была тень чинар и вода — веселый, звонкий ручей.

В тот день люди особенно спешили к ручью: жажда была нестерпимой. Но, подойдя ближе, не услышали привычного журчания. От ручья осталось мягкое песчаное ложе и камни, с которых солнце торопливо слизывало остатки влаги.

Отчаяние собрало всех вместе. Из толпы вышел молодой парень по имени Сум и сказал:

— На пути ручья встала гора. Я сдвину ее.

И ушел. Через несколько дней в селении снова появилась вода. Но Сум не вернулся. И еще долго-долго люди с тревогой вслушивались по ночам в протяжный крик: «Сум, гайит!» — «Сум, вернись!» Это невеста Сума звала его. Века несли ее любовь и верность и навсегда оставили их в названии селения, а потом и города — Сумгаит.

...К краям дороги прилипла степь. Рыжая апшеронская степь с сухими колючками. Словно пытаясь отделаться от нее, дорога круто свернула вправо и по-

бежала по длинной аллее подстриженных кустов. Сквозь серую толщу туч прорвалось солнце и выкрасило ослепительными белилами предвставший перед глазами город. Он мчался навстречу, сияющий и какой-то очень жизне-радостный. Искрилось отражение моря в широких окнах домов, кланялись с тротуаров красно-желтые, похожие на жирафов светильники. Вдали тянулись гигантские заводские корпуса, охраняемые высокими трубами.

Сумгаит.

* * *

Я уже больше часа сидела в маленькой комнате горкома комсомола. В коридоре раздались чьи-то неторопливые

шаги, и я с надеждой повернулась к двери.

— Не она, — предупредил меня Вася Бочков, инструктор горкома, — Лаура не умеет так ходить.

— Вы не знаете Лауру? — Один из парней-строителей, сидевших у Васи, балагур и остролов, удивленно посмотрел на меня. Я ждала подвоха, но он продолжал серьезно: — Она человек трудный. Лаура — человек невозможный. Вот сейчас на заводе синтетического каучука собрание. А завтра в горком придет жалоба: секретарь комитета комсомола Лаура Бунядова не признает авторитетов, критикует всех подряд. Журналистам вообще приходится туго, второй раз к ней не ходят — отчитывает за краски. Так что стоит ли вам ее ждать? Решайте.

В коридоре быстро-быстро забарабанили каблучки.

— Решайте скорее! /

Но дверь уже распахнулась. На пороге стояла девушка и строго смотрела на парней. С лиц сползли улыбки. И даже балагур смутился под быстрым взглядом. Сомнения быть не могло: Лаура!

На улице нам пришлось плотнее запахнуть пальто, но это не помогало. Ветер пронизывал до костей. «Сумгаитский дворник». Он набегал со стороны Каспия, выметал все соринки с улиц и дворов, дул пыль с деревьев и уносил все куда-то в стель, а потом от нечего делать бросался под ноги прохожим, трепал полы пальто, срывал шляпы. Хотелось скорее забегать в какой-нибудь дом и плотно закрыть за собой дверь.

В гостинице мы сидели, не раздеваясь: очень продрогли.

— У нас не всегда так, — извинилась Лаура за погоду. — Правда, случается и хуже. Эта зима была суровая. Даже со снегом. Но, знаете, — она оживилась, — в самую страшную пургу, когда из дома нельзя было выйти, некоторые наши ребята все-таки пришли на завод. И с ними была одна девушка — Тамара Тюмина. Больше суток она без смены работала в лаборатории. — Лаура задумалась. Сузились большие черные глаза. — Помните, есть люди, о которых трудно рассказывать. Сколько ни подбирай слов, не то, не то... Но когда они рядом, ты чувствуешь, какая крепкая у них рука — не даст упасть. Вот и Тамара такая... И Эльмира Халилова, ее подруга, аппаратчица... Без таких и жизнь была бы не жизнь.

За окном свирепел почерневший Каспий. Как взбунтовавшийся старик, седой, но еще могучий и сильный. Волна с белым гребнем разбилась о берег. Задрезали от напора ветра стекла.

Лаура решительно встала.

— Где ваши вещи? Собирайтесь, собирайтесь. Это не комната, а решето, продувает насквозь. Поедете ко мне.

Возражать было бесполезно. Через полчаса мы поднимались по лестнице нового дома. Пока Лаура возилась с замком, из двери напротив выглянула соседка. Подозрительно осмотрела нас и спросила, словно пытаясь уличить в чем-то:

— Кто же в этой квартире живет?

— Я, — оглянулась Лаура.

— Но сегодня эту дверь открывало человек восемь.

— Не беспокойтесь, — рассмеялась Лаура. — Это мои друзья.

Женщина пожала плечами и сердито хлопнула дверью.

Того, что называют уютом, в квартире не было. Пестрая занавеска на окне, кровать, заваленный книгами стол, открытая радиолка. Лаура подтолкнула к пластинке адаптер. Ворвались в комнату первые аккорды, и наплыло вдруг удивительное ощущение: мне показалось, что я давным-давно знаю Лауру, что пережила с ней и тревожные и светлые минуты... Просто была любимая музыка — Чайковский.

— Каждый вечер подряд слушаю «Первый концерт». Как бездонный колодец. — Лаура задумалась и тихо-тихо добавила: — Можно черпать и черпать...

На плите посвистывал синий кофейник. Хозяйка решила во что бы то ни стало накормить меня «нормальным» ужином. Она чистила картошку и снова рассказывала о том, как работала аппаратчицей, о своих девчатах, о комитете комсомола.

— Может, это ненормально, своего рода болезнь, только я во все вмешиваюсь, если что-то не так.

Я взглянула в Лаурино лицо. Брови ее нахмурились.

— Есть у нас один парень. Индюк. Собственник. Жена каждый день плачет. Не разрешает учиться. По поводу и без повода закатывает скандалы. Ну, думаю, хватит! Пошла к ним. Орал: «Не позволю вмешиваться!» Ругался и прогонял. Только я не ушла. А на второй день снова явилась. Мы с ним уже мирно пили чай, и он слушал, какая необыкновенная у него жена. А потом... — Лаура улыбнулась и вдруг: — Слушайте, слушайте!

Упала в кастрюлю недочищенная картофелина. Замерли покрасневшие руки. Смягчились черты лица: любимое место из Чайковского...

— А потом, — встрепенулась Лаура, — я видела их в кино. Первый раз пошли вместе. Вчера встретила его на улице. Мчался из магазина с какими-то пакетами.

После ужина мы делали записи в своих дневниках: оказалась одинаковая привычка. А когда кончили, решили прочитать друг у друга по одной странице.

«Встала в шесть. В семь была в комитете. Немного занималась математикой. Все, что проходили в техникуме, вспоминается легко. Учиться хочется до чертиков! Скорей бы сдать экзамены в институт.

Провели комсомольский рейд по использованию транспорта на заводе. Начальство! У одного из цехов вагон с кислотой простоял несколько лишних часов. Ну и зададим им в «молнии»!

В этом месяце на заводе тридцать именинников. Решили устроить для них в молодежном кафе коллективный день рождения. Сегодня в комитете обсуждали, как проведем его. Мальчишки придумали столько интересного! Повеселимся!

Снова поссорилась с секретарем парткома. Все равно он изумительный человек. А я... Да, может, и резкая. Извиниться? Нужно. Но сначала доспорим. Надвигается семинар заводских комсоров «Химия — ударный фронт».

Сегодня пришел в комитет один парень. Помню, устраивала его на работу. Положение у него было сложное. Пришел и... объяснился в любви. Вот неприятность!»

Я взяла свой дневник и дописала еще одну строчку: «Лаура Бунядова. Без таких и жизнь была бы не жизнь».

А утром мы с Лаурой ходили по заводу синтетического каучука. Настоящий город. Дома-цилиндры. Одни лежат на массивных подпорках, другие, легкие и стройные, тянутся вверх. Змеятся бесконечные трубы. Запрокинешь голову — на лаури переплетение красных, черных линий. Слово холст кубиста. Только вместо каприза воображения — проникновение в тайны науки, четкая конструкторская мысль. «Дома» СК без окон. Непроницаемые стены разжигают любопытство. Заглянуть бы за них! Может, тогда удастся постичь то, что кажется непостижимым: каким образом невидимое, неосознаемое — газ — становится пружинистой лентой каучука?

Лаура берет мой блокнот. Рисует бензольные кольца, цепочку цехов — цех газоразделения, синтеза, полимеризации, коагуляции... Уже сами названия рождают трепет перед сложностью удивительных превращений.

— Процесс длинный, условий требует разных: то подавай ему тропики, то полюс, северный или южный. Зато по прочности наш дивинилстирольный каучук почти не уступает натуральному. Скоро пойдет с завода бутылкаучук — газонепроницаемый. Проколотся, например, автомобильная шина — чинить не надо. Под воздействием газа отверстие само затянется. Вот какой будет каучук!

Лаура увлечена. Видеть все это столько раз и не потерять удивления первооткрывателя! Как такое зовется? Любвью к профессии? Нет, пожалуй, к жизни.

— Это опытная установка бутылкаучука. Мы остановились у небольшого белого здания, рядом с которым высились огромные этажерки. Лаура сложила рупором ладони. — Кямала-а! — рассыпался эхом ее голос.

Загудели шаткие металлические лесенки. К нам спускалась девушка, казавшаяся неуклюжей в толстой суконной робе.

— Здравствуйте. — Голос мягкий, мелодичный.

О Кямале Рзаевой я слышала много. Знала, что она лучшая аппаратчица СК, член парткома, что два года назад ее наградили орденом Трудового Красного Знамени. Я представляла себе по рассказам пожилую женщину, строгую, не улыбающуюся. И вдруг по-девичьи нежный овал лица и глаза — теплые, только что погасшие угли.

— Пришли посмотреть? — Кямала толкнула тяжелую дверь. — Вот он, наш цех! Я почувствовала, что она волнуется, как человек, который вдруг решил показать что-то свое, дорогое и сокровенное и боится, что не поймут, не оценят.

— Вы только посмотрите, какая у нас техника, — говорит Кямала. — Все будут делать машины. Вот эта — прессовать каучук. Эта — резать брикеты, самая последняя — упаковывать.

Девчата в грубых спецовах и кокетливых модных платочках что-то тихо-тихо напевают, старательно трут тряпка-



Начальник лаборатории суперфосфатного цеха Светлана Фатхулина (слева) и лаборантка Люда Коротун.

ми и без того уже сияющие грани машин.

— Наши аппаратчицы,— кивает в их сторону Кямала,— вчера мы принимали у них экзамен... Выдержали все. Химия— прямо девчачья монополия. В какой цех ни заглянешь, какую лабораторию ни откроешь, на какой завод ни придешь— девчата. И командуют они же. В Сумгаите несколько больших химических заводов, и на всех секретари комитетов комсомола— девушки. С Таней Усовой знакомы?

Да, Таню Усову я уже видела дважды.

* * *

Шел 4-й съезд женской молодежи Азербайджана.

— Слово имеет секретарь комитета...— гулко упали в зал слова председателя.

На сцену поднялась светловолосая, высокая и по-детски нескладная девушка. Первые какие-то очень заученные и сухие фразы. Голос вялый, мне показалось, что сама она не слышит его и не может поэтому справиться с залом, огромным, беспокойным. И спешит, спешит, лишь бы скорее сбежать с трибуны. Она кончила. И я вычеркнула из блокнота фамилию «Усова»: неинтересно.

А потом, через несколько дней, я встретила ее у секретаря Сумгаитского горкома комсомола Лии Каймаковой. Встретила и не узнала. Стройная, крепкая, напряженная. Тростинка. Глаза синие-синие. Смотрит прямо, чуть с вызовом.

— Я должна работать контрольным мастером.

— А комитет? У тебя же большая организация.

— Большая. Недавно прибыли новички. По комсомольским путевкам. По комсомольским!.. Как только могли вручить некоторым из них путевки? Вос-

питывать их время от времени— ничего не выйдет. Я должна быть с ними всю смену. И работать рядом. А там увидим.

Сейчас я стою с Таней на автобусной остановке и пытаюсь соединить двух моих таких разных знакомых с одинаковой фамилией «Усова». И не могу. И вижу третью. А эта третья старательно катает школьной стоптанной туфлей круглую гальку. Чувствую, до чего же хочется ей размахнуться и швырнуть камешек на другую сторону улицы, разбежаться, вспугнуть тихих воркующих голубей, проскакать на одной ножке по классам, разлинованным в сквере.

Нет, она, конечно, не сделает этого.

— Мне уже восемнадцать... Я даже старше города. Но он зато больше успел за свои шестнадцать лет. Вырос и приобрел четыре профессии: энергетика, строителя, металлурга и вот сейчас— химика.

Недовольно фыркнул затормозивший автобус. И медленно повез нас по сумгаитским улицам.

— Смотрите скорее!— затормозила меня Таня.

На пустыре ковш экскаватора жадно заглывал щебенку, куски старой штукатурки.

— Один из первых сумгаитских домов. Я жила в нем шестнадцать лет назад с папой и мамой. А вон и наш суперфосфатный. Супервеликан. Правда, похож на великана? Развалился лениво и раскуривает не спеша свою сигару.

Я заметила, как легко рождались у Тани образы.

— Пишешь стихи?

— Нет, просто люблю.

...В лаборатории суперфосфатного цеха делают какой-то срочный внеочередной анализ. В угле, у щитка, парень-электрик, ввинтив последнюю гайку, складывает в чемоданчик инструменты. Взглянул вопросительно.

— Пришли познакомиться с нашими девчатами?— Подумал.— Стоит,— и почему-то вдруг с укоризной добавил:— Да не статьи о них нужно писать— песни.

Песни... Кто-нибудь напишет и песни. Только в них надо много вмести.

...Жарило ошалевшее солнце. В предчувствии грозы перешептывались истомленные деревья. Настроение было дурашливое. Сдан последний экзамен в техникуме! Специалисты-химики с двухчасовым стажем позировали перед фотоаппаратом— на память. Впрочем, они не расставались. Еще весной вся группа решила остаться здесь, в Сумгаите, на суперфосфатном. Вот отдохнут месяц... А отдохнуть так хочется! После душевных чтален, аудиторий нырнуть в холодную морскую глубину, понежиться на пляже... И никаких тебе забот!

И вдруг Таня...

— Есть серьезный разговор. Через месяц должны пустить суперфосфатный цех. А лаборатория не оборудована. Без нее он жить не начнет. Это всем ясно. Завтра...

Назавтра Таня шагала по утренней вымытой улице. Интересно: приедут или не приедут девчонки?

А девчонки уже ждали у цеха.

— Ну, где там твоя лаборатория?— поднялась навстречу Неля Сергеева. И началось. Дня не хватало. Вымета-

ли мусор, мыли стены, драили пол. Делали чертежи титровальных столов. Ездили за оборудованием, побывали на складах и в совнархозе. Они многое постигли за эти дни— научились убеждать, настаивать, требовать...

Приехала на завод комиссия— опытные химики. И наконец:

— Сегодня пускаем...

Ждали первый суперфосфат. Серый рассыпчатый супер. Но... пошла жидкая черная грязь.

Первый анализ. Большой процент кислот. «Главный»— так девчата окрестили руководителя комиссии— энергичный, громкоголосый, командовал аппаратчиками. Изменили режим. Все та же грязь. Второй анализ— и снова то же. И снова меняют режим аппаратчики... До бесконечности...

В лаборатории остались трое: Таня и две Светы— Фатхулина и Пронина. Лезет ночь в открытые окна. Душная, вязкая, склеивает веки... Пронзительный звонок. Света Пронина подходит к телефону. Звонит «главный». Требуется цифры последнего анализа. Рокочет трубка:

— Да не может быть такая кислотность! Черт возьми, неужели там у вас ни одного опытного лаборанта...

Света с досадой стучит по рычагу.

— Также мне! Мы тут стараемся, а он орет. Опытный! Сам не может наладить установку...

— Брось ты,— примирительно говорит Света Фатхулина.— Ему тоже нелегко. С такой кислотой, как у нас, никто дела не имел. Она с примесями: ведь это же отходы завода СК. Вот и сюрпризы. Слушайте, девочки, а что, если нам самим попробовать сварить супер, в колбе?

...Онемела рука. Таня болтает колбу. Смотрит на часы. Еще пять минут— и можно сунуть в сушильный шкаф. В лаборатории давно смотрит солнце. Седьмая, восьмая, уже неизвестно, какая попытка,— и все грязь. Может, из этого что-то выйдет: половина апатита, половина кислоты...

Таня закрывает дверцы сушилки.

Спать хочется... И вдруг Светкин ликующий голос:

— Девчонки, супер! Супер!

В колбе горсточка серого порошка.

— А что?— гремит в цехе голос «главного».— Я сразу заметил, девчата у вас мыслящие.

Почти двое суток в лаборатории. А усталости никакой. И хочется читать стихи. Да вот они, сами просятся. Почему так запомнился этот Рождественский:

Есть граница между ночью и утром,
между тьмою и зыбким рассветом,
между призрачной тишью
и мудрым ветром...

* * *

Уезжать из Сумгаита не хотелось. Появилось еще одно место на земле, куда будет постоянно тянуть. Когда дорога влилась в степь, я оглянулась. И мне показалось, что у той старой легенды, в которую я поверила, есть продолжение. Через много веков вернулся Сум, нет, пришли тысячи Сумов, таких же мужественных, как тот, легендарный, и принесли в степь город. А невесты? Невесты шли рядом.

Бьет по губам,
И тает на губах, и
Последний праздник с...

Но спит еще Ишим. Недвижен лед.
Он, как стекло, блестит сквозь снег
пушистый,
Зеленоватый, скользкий под ногой.
Метелит март,
Бежит в снегах волнистых,
Последнею расплакавшись пургой.

Снега, снега да карагач рогатый —
Неласковый,
Седой целинный край.
А у реки палатки...
Там девчата
Поют про Днепр и соловьиный гай.
Бросая блики красные в потемки,
В печурке дымной гаснут угольки.
Грустят девчата,
Птахи,
Комсомолки,
Закутались в тяжелые платки...

Поют девчата все печальней, тише
Про соловьиный вечер у Днепра
И вдруг умолкли,
Замерли
И слышат:
Гудят,
Идут
К Ишиму трактора.
Все ближе, ближе гул...
И недалеко
Шаги.
Скрипит под сапогами снег.

Раскрылась дверь,
И крикнул: «Добрый вечер!» —
Заснеженный, веселый человек.
Растаяли снежинки на ресницах,
Оттаял черный чуб и воротник.
«А где у вас вода?»
«У нас криница,
Живой, незамерзающий родник!»

И улыбнулись Галя и Светлана,
И Женя бровью повела крутой:
«Слыхали мы, что красные тюльпаны
Цветут весною у криницы той!»

Поэма печатается в сокращении.

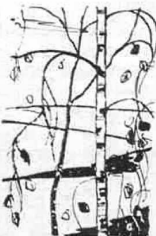
...руной струна.
Под последний плач поэмки
Запомнила накрепко целина.
А он поводит лихо
Черной бровью.
Звенят, поют над вьюгой голоса...
Откуда он? Наверно, с Приднепровья.
Виски седые.
Юные глаза.

«Ой, Днепр мой синий
С вишнями по склонам!
Над белой хатой
Месяц, как стружок...
В саду весеннем,
Ласковым,
Зеленом
С другой,
С другой
Кохается дружок.

Ну что ж,
Пускай
Он шепчет ей про счастье!
Пусть ночь бледнеет,
Звездами звеня.
Он и ее забудет в одночасье,
Как позабыл далекую меня!

Пускай метель
Вокруг палаток злится —
Придет весна,
Сломает лед реки,
Заколосится
Добрая пшеница,
Поселков новых
Вспыхнут огоньки.

Мы сложим сказки
Про друзей любимых,
Мы сложим песни
О большой любви,
И станут здесь,
По берегам Ишима,
Цвести сады
И щелкать соловьи!..»



Чуть вздрогнул...
А в небе зарыдали журавли.
Идет молва:
Той ночью у криницы
На синем льду тюльпаны расцвели.

* * *

Встал обелиск
На берегу Ишима,
И голоса звенят, как соловьи:
«Мы сложим сказки
Про друзей любимых,
Мы сложим песни
О большой любви!..»

Поселок вырос, каменный, стеклянный.
Как деревца, дымки из труб растут.
Галинка вышла замуж, а Светлана
Уехала учиться в институт.
А Женя,
Женька,
Та, что всех моложе —
Крутые брови-ласточки вразлет,—
С гитарой,
С безусой молодежью
Криницу навещает каждый год.
Звенит струна
Задумчиво,
Протяжно
Про соловьиный вечер у Днепра,
Про то, что смерти нет,
Про то, как тяжко
Гудят,
Идут
К Ишиму трактора.

А по весне летят к Ишиму птицы
И в камышах прибрежных гнезда вьют.
А по весне у Даниной криницы
Всегда тюльпаны первые цветут.
Путь к радости безжалостен и труден.
Не потому ль,
Красивы и просты,
Уйдя вперед, нам оставляют люди,
Как веи к счастью,
Песни и цветы.

Рисунки В. СКВОРЦОВОЙ.

... ешествуя по Ангаре, я пошел в деревню Сизово, расположенную на длинном узком речном острове, километрах в шестидесяти от места строительства Усть-Илимской ГЭС. Привез меня в Сизово на маленькой лодке-дюральке Юрий Иванович Гадалин, биолог, руководитель небольшой группы, входящей в эпидемиологический отряд Министерства здравоохранения РСФСР.

Группа занимала сложенный из толстых бревен, по-сибирски крепкий дом. Вверху было две комнаты. В одной разместились лаборатория, в другой стояли раскладушки — здесь спали мужчины. Четыре девушки-лаборантки жили в соседних домах. Все они, студентки биологического факультета МГУ, сюда, на Ангару, поехали, как они сами несколько торжественно заявили, в интересах науки.

Галя Шевелева, которую называли ветераном отряда — она второй год участвовала в войне с мошкой на Ангаре, — повела меня за околицу показать «корову» — ловушку для гнуса. Она оказалась примитивной: на четырех рейках чехол из черной ткани. Снизу он открыт. Мошка залетает в него и попадает в марлевый мешок. Галя вывернула его и нашла всего семь мошек.

— В прошлом году, — сказала она, — гнуса было видимо-невидимо. Бывало, в «корове» находили до двадцати тысяч мошек. Считать не успевали.

И тут я вспомнил, что до сих пор ни разу не вынул из своего чемодана накомарник, ни разу не мазался диметилфтолатом — специальной мазью, отгоняющей гнуса. Просто не было необходимости: мошка, этот настоящий таежный вампир, на Ангаре исчезла.

Впервые я понял, что такое гнус — так точно назвал народ несколько видов кровососущих насекомых, — здесь же, на Ангаре, восемь лет назад. Как-то июльским утром поехал я из поселка строителей Братской ГЭС на площадку лесопромышленного комплекса. Дорогу теснила нетронутая тайга, шофер вел машину осторожно и медленно. Вдруг из радиатора вырвался пар. Шофер ругнулся, остановил самосвал, опустил сетку накомарника и выскочил на дорогу. Я тоже подошел к радиатору — он был черен от мириадов мелких мошек, забивших его соты. Вот почему в нем закипела вода.

Если мошка останавливала мощные машины, то представляете, как она досаждала людям: забираясь в уши, глаза, рот, мешала работать, пила кровь. В летние месяцы падала работоспособность людей, мошка терзала их, пожалуй, больше, чем жгучие морозы зимой. Некоторые не выдерживали и уезжали со стройки.

На помощь строителям позвали ученых. В Братск приехал специальный отряд по борьбе с мошкой, руководимый Самуилом Григорьевичем Гребельским, заведующим лабораторией

... ее замести-
... Александра Михеевича
... пообещал самую широ-
кую помощь... ственно проговорил:

— Дорогие товарищи ученые, от имени строителей Братской ГЭС заверяю вас: уничтожите мошку, мы вам памятник поставим!

Лидия Васильевна внимательно посмотрела на главного инженера и неожиданно для самой себя озорно ответила:

— Посмотрим. Мы-то свое слово выполним!

Вечером Тимофеева, Митрофанов и Гадалин еще раз самым подробным образом обсудили план «операции». Сидевший тут же Гребельский не вытерпел:

— Это же смешно, дорогие товарищи, если даже не хуже. Ангара — река, а не ручеек. И рассчитывать, что такой эксперимент даст пользу... — Он не договорил, развел руками, выражая негодование.

Лидия Васильевна не стала вступать с ним в спор. К чему? Она была уверена: мошку надо уничтожить только до вылета, до вылета из воды. У Лидии Васильевны был уже опыт в этом деле: со своим учителем профессором Владимиром Николаевичем Беклемишевым она истребляла эмульсией дуста личинки гнуса на реке Кан, небольшом притоке Енисея.

Теперь Тимофеева готовилась применить этот метод на Ангаре. Но Ангара в шесть раз полноводнее Кана. На Кане все прошло благополучно. Значит ли это, что так же будет и здесь?

Изготовление приспособлений для «промывки» Ангары эмульсией затянулось. Лидия Васильевна и Александр Михеевич целыми днями просиживали в механических мастерских, беспрестанно звонили Гиндину, требуя его вмешательства. Рабочие посмеивались: чего горячку пороть, куда мошка не денется! Но Тимофеева знала, что каждый потерянный день лишает ее еще одного шанса на успех. Эмульсия убивает личинки определенного возраста, «постареют» они, превратятся в куколки, яд уже не сможет проникнуть через их прочный панцирь, и мошка вылетит из воды, а тогда ее уже не истребишь.

Когда наконец огромные бочки были готовы, Лидию Васильевну неожиданно вызвали в Иркутск. По настоянию Гребельского в биологическом институте создали специальное совещание, посвященное борьбе с гнусом.

В первый же день Лидия Васильевна поняла, что в институте собрались воевать вовсе не с гнусом, а... с ее отрядом. Каких только упреков и обвинений не выслушала она на этом совещании! Кто-то даже потребовал запретить работу отряда московских ученых, назвав использование эмульсии для борьбы с личинками мошки не чем иным, как экспериментом «на живых людях».